

зительном искусстве, ибо эта история совершенно осталась не развернутой, т. к. материал, использованный автором, крайне малочисленен, а, главным образом, не приведен в систему и из него не сделано никаких выводов, в то время, как и подобного рода работа была бы поучительна и в историко-художественном, и в социально-политическом отношении. Автор попросту перечислил некоторые работы русских художников, в которых так или иначе, хотя бы внешне, был запечатлен революционный быт. Т. обр., ни художественного, в подлинном смысле, ни историко-художественного, ни социально-политического значения рассматриваемое издание не имеет.

Смотря на заглавие, невольно приходит мысль, что на нем и автор и издатель хотели «спекулировать», но надо полагать, что это им едва ли удалось; хотя, как знать!—время теперь на книгу и голодное, и безалаберное. Имя автора мало известно в художественных кругах и, судя по тому, как ориентируется он в материале,—он чужд искусству. Напротив, имя издателя известно очень хорошо, и странно, что он так опрометчив в выборе материала в то время, которое требует в этом смысле большой осмотрительности.

Николай Тарабукин.

Е. КРУГЛИКОВА. — Силуэты современников—I— поэты. Изд. «Альциона». Москва 1921 г.

Кругликова, имя которой неразрывно связалось с ее силуэтами «семейства Бем», на этот раз дебютирует целой серией силуэтных характеристик современных русских поэтов. И если в прежних ее работах подчас сквозила острота иронии, то предлагаемые теперь—пресны до последней степени.

Художественный силуэт — не «тень», отброшенная профилем и «обведенная углем», а синтетическая, схватывающая все наиболее типичное и поэтому очень выразительная характеристика лица. На этот раз силуэты Кругликовой представляют собою именно такие «обведенные тени». И как тень редко воспроизводит

«первоисточник» до такой степени, что его легко можно «узнать», ибо в тени преобладает случайное и отсутствует типичное,—так и у Кругликовой большинство персонажей узнать совершенно нельзя (выручает только подпись), ибо они не представляются обобщенными характеристиками. У Кругликовой какой-то «натуралистический» подход к силуэту, в то время, как эта художественная форма невольно, сама по себе, требует стилизационной компактности. Кругликова «срисовывает» профиль, тогда как как силуэт требует, чтобы он был «построен» и в смысле психологической характеристики, и в смысле художественно-изобразительной формы. Так «неузнаваемы» проходят такие яркие внешне фигуры, как Вячеслав Иванов, Волошин и др. Наиболее типичны, пожалуй, Брюсов, Кузьмин, но и то не потому, что они у Кругликовой лучше сделаны, но просто потому, что их черты внешне «острее». Во всяком случае, оставляя в стороне вопрос о сходстве, к которому автор, несомненно, стремилась, чисто художественного интереса «силуэты» представить не могут.

Николай Тарабукин.

СЕРГЕЙ ЭРНСТ. В. А. Серов. Изд. Комитета Популяризации Худ. Изданий при Росс. Ак. Ист. Мат. Культ., П. 1921 г. Стр. 7—114 33 двойн. табл.

Ни об одном русском художнике конца XIX, начала XX века не говорилось и не писалось столько, как о Серове. Не считая огромного количества газетных и журнальных статей—перед нами восьмая, по счету книга, посвященная его творчеству.

Невольно возникает мысль: нужна ли она? Прибавляет ли она что-нибудь к нашему знанию Серова? Освещает ли она как-то по новому облик Серова, как художника и человека?

И ответить приходится; *нового*—мы в ней не находим ничего, к нашему знанию Серова—она не прибавляет ничего. И все-таки она нужна. Она как-то заключает ранее написанное. Дает некую сводку. И еще: из всех монографий, написанных С. Эрнстом (Рерих, Сомов,